

УДК 159.947.5

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ СТРАТЕГИЙ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

КОЧЕТОВА Татьяна Викторовна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления факультета социальной психологии

Московский городской психолого-педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются психологические механизмы, обеспечивающие стратегии социального поведения, а также ряд методологических проблем изучения стратегий асоциального поведения. Представлена функциональная модель индивидуально-психологических различий в стратегиях социального поведения, подчеркивается роль психологических механизмов в формировании приемов и способов асоциального поведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное поведение, асоциальное поведение, стратегии, психологические механизмы.

KOCHETOVA T. V.,

Cand. Psychol. Sci., Docent, Department of Social Psychology

Moscow Municipal University of Psychology and Education

ON THE PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF THE STRATEGIES OF THE ANTISOCIAL BEHAVIOUR

ABSTRACT. Psychological mechanisms providing social behaviour strategies as well as some methodological problems studying antisocial behaviour strategies are considered. A functional model of individual and psychological differences in social behavior strategies is suggested. The role of psychological mechanisms in developing the means and ways of antisocial behavior is emphasized.

KEY WORDS: social behavior, antisocial behavior, strategies, psychological mechanisms.

Современные исследования стратегических поведенческих особенностей сегодня носят межотраслевой и междисциплинарный характер. Введение в научный обиход нового понятия «стратегия поведения» повлекло за собой исследование данных поведенческих особенностей в различных инвариантах социального поведения: альтруистическое, репродуктивное, агрессивное [1], [2], [3]. Причем в рамках последнего четвертого инварианта, существенное внимание уделяется стратегиям асоциального поведения психопатических личностей и больных шизофренией.

Однако прежде чем затронуть эти аспекты, стоит, на наш взгляд, более подробно рассмотреть основные подходы к изучению стратегий поведения и охарактеризовать психологические механизмы, которые стратегические поведенческие особенности обуславливают.

Так, к числу наиболее популярных и разделяемых большинством исследователей относится

подход, где изучаются внутренние детерминанты стратегических поведенческих особенностей – индивидуально-психологические характеристики [1], [3] и их биологические основания [2], [4], [5]. Здесь выделяются два основных аспекта изучения стратегий.

Во-первых, рассматривается происхождение индивидуальных различий в процессе онтогенеза [3], [4]. Стратегии трактуются как устойчивые особенности поведения индивида, остающиеся неизменными в течение жизни [4]. При этом уточняется само определение стратегий: для их обозначения используется понятие, которое можно перевести как «генетически обусловленные поведенческие стратегии» (behavior-genetic strategies) [4, p.50]. В качестве ведущих внутренних детерминант данных поведенческих особенностей признаются генетически обусловленные факторы, личностные свойства и интеллектуальные способности.

Наиболее ярким примером таких стратегий

Информация для связи с автором: kochetovav@gmail.com

являются асоциальные стратегии поведения социопатов [5]; психопатических личностей [4, р.50 -55]; больных шизофренией [2], [5]. По мнению исследователей, подобные стратегии, несмотря на свой асоциальный характер, в конечном счете, направлены на достижение одной цели - решение адаптационных проблем посредством формирования зависимости среди своего окружения, и тем самым, занятия определенной «удобной ниши» в иерархически организованной социальной структуре [5].

Во-вторых, изучается происхождение индивидуальных различий в стратегиях социального поведения. Основываясь на идее имеющегося у всех представителей вида универсального сходства – результата длительного процесса эволюции, авторы рассматривают их эволюционно-генетические, а также социально-психологические детерминанты [1], [2], [3]. В этой связи рассматриваются так называемые эволюционно-устойчивые стратегии поведения (*evolutionary stable strategies*) [6]. Они представляют видовой «поведенческий признак» и характеризуют поведение, как отдельного индивида, так и группы. В рамках данного подхода под «стратегией поведения» понимается набор видоспецифических поведенческих особенностей, характеризующих устойчивые паттерны поведения индивида или группы в различных ситуациях. Основной составляющей данного набора выступают конкретные формы социального поведения, направленные на решение адаптационных задач повторяющегося характера.

Одним их важнейших признаков стратегий в рамках эволюционной парадигмы является избирательность. По мнению Дж. Мэйнарда Смита, уделяющего в своих работах особое внимание описанию признака избирательности, стратегия трактуется как набор устойчивых поведенческих образцов (паттернов), который использует индивид в социальном соревновании в условиях, где ресурсы ограничены [6].

Отсутствие разработанной, разделяемой большинством ученых концепции стратегий социального поведения, привело к тому, что и стратегии асоциального поведения оценивались и трактовались различными исследователями по-разному.

Так, например, Л. Милей указывала, что все формы поведения (в том числе, и асоциальные) имеют своей целью занятие индивидом определенного места в иерархической структуре общества. Следовательно, самые разнообразные поведенческие проявления: например, помощь окружающим или, наоборот, запугивание и проявление агрессии, формирование зависимости от окружения при различных формах психопатии и т.п., направлены на решение одной единственной адаптационной проблемы, как поиск собственной «социальной ниши». Поэтому любые устойчивые паттерны социального поведения (альтруистические или агрессивные) могут рассматриваться в качестве «социально-направленных» [5].

В отличие от данной точки зрения Р. Хоган утверждает, что различные формы социального

поведения есть результат такой универсальной особенности человека, как «потребность жить в группах, которые организованы иерархически...», поэтому к социальным можно отнести только те поведенческие проявления, которые связаны с взаимодействием с другими, и именно это отличает стратегии социального поведения от поведения индивидуального [7].

Простые наблюдения показывают, что различные индивиды используют разные наборы приемов и способов для решения проблем, связанных с социальной адаптацией. Так, по мнению некоторых авторов, на выбор приемов и способов поведения оказывают влияние генетически обусловленные, наследуемые индивидуальные различия. Например, физическая привлекательность увеличивает шансы на завоевание определенного положения в обществе, а физические недостатки, скорее всего, будут препятствовать продвижению на социальной лестнице. Поэтому логично, что индивиды, имеющие различные особенности генотипа, будут использовать разные стратегии статусного поведения.

Однако естественно полагать, что различия в стратегиях социального поведения зависят не только от особенностей индивида, но и от особенностей его окружения. Например, если у индивида имеется склонность к лидерству, и социальное окружение не будет препятствовать проявлению этой склонности, то в этом случае, можно прогнозировать успешность реализации стратегий доминирования, которые приведут к изменению его статуса и занятию соответствующего положения на иерархической лестнице. Постоянное подкрепление данных особенностей поведения со стороны окружения обеспечивает устойчивость избранной стратегии.

Таким образом, вполне логично рассматривать поведенческие стратегии в качестве способов взаимодействия генетически обусловленных различий с внешними (средовыми) факторами (особенностями окружения), или, другими словами, – вариантов (типов) генотип-средового взаимодействия [1].

В настоящее время в психологической литературе описано два основных способа взаимодействия факторов среды и наследственности [8], [9].

Первый носит название генотип-средового взаимодействия (*genotype-environment interaction*) [8]. Он предполагает, что средовые условия оказывают разное влияние на человека в зависимости от его генотипа [10].

Так, например, логично, что на психологических факультетах вузов в процессе обучения создается среда, способствующая развитию определенных профессиональных способностей (способность к анализу, к рефлексии, к исследовательской деятельности и т.п.). Такая среда будет явно благоприятствовать развитию тех студентов, которые в большей степени склонны к подобной деятельности. Очевидно, что после завершения обучения у части выпускников эти способности окажутся более развитыми, а у части менее [11]. Иначе говоря, в результате данного варианта взаимодействия генетических и

средовых факторов определенная (общая для различных индивидов) среда «формирует людей с полярными психикой и интеллектом» [12, с.19].

Второй способ известен как генотип-средовая корреляция (genotype-environment correlation) [13]. Суть его заключается в том, что особенности среды коррелируют с особенностями индивида. Поэтому «индивиды, обладающие определенными генетическими особенностями, распределяются в определенных средах» [10]. В свою очередь, такое распределение по средам может достигаться тремя основными способами генотип-средовой корреляции.

Активная генотип-средовая корреляция (active process of genotype-environment correlation) связана с направленным выбором индивида своего окружения [13]. Так, например, «умеющие говорить» люди нуждаются в аудитории, а потому активно выбирают себе слушателей» [1, с.128].

Реактивная генотип-средовая корреляция (reactive process of genotype-environment

correlation) характерна для ситуаций, в которых индивиды с определенными генотипами вызывают различную реакцию у окружающих [13]. Например, «физически привлекательные, симпатичные люди способны вызвать в окружающих теплоту и доброжелательность» [1, с.128].

И, наконец, пассивная генотип-средовая корреляция связана с созданием для индивида определенных средовых условий, коррелирующих с генотипом окружения, формирующего эту среду. Примером здесь может служить ситуация, когда родители, будучи весьма красноречивыми и общительными людьми, создают для своих детей такую среду, которая требует от них «проявления вербальной активности», поэтому дети в таких семьях оказываются более разговорчивыми, нежели их сверстники [1, с.128].

Таким образом, различия в генотип-средовых корреляциях могут объяснить различия в типах эволюционно-устойчивых стратегий социального поведения индивида. При этом, соотнеся типы генотип-средовых корреляций с поведенческими стратегиями, вполне корректно гово-

Рис. 1. Функциональная модель индивидуальных различий в стратегиях социального поведения [1, с.133]

речь о выделении трех основных типов стратегий поведения.

Во-первых, активный выбор своего окружения, характерен для стратегий выбора (strategies of selection).

Во-вторых, вызов определенных реакций в окружающих, характеризует стратегии вызова (strategies of evocation).

В-третьих, манипулирование своим окружением, определяет соответствующие стратегии манипуляции (strategies of manipulation) [1].

Таким образом, модели генотип-средовых корреляций способны объяснить происхождение существенной части различий в приемах и способах, которые человек использует, выстраивая собственную линию поведения. Обозначив основные типы (варианты) стратегий социального поведения, представляется логичным перейти к проблеме изучения индивидуальных различий в данных поведенческих признаках и рассмотреть их внутренние детерминанты, а также средовые факторы, способствующие их формированию.

Как уже отмечалось, вариативность стратегических поведенческих особенностей может быть обусловлена взаимодействием различных факторов: конституциональных особенностей, различий в индивидуальном опыте и его феноменологической интерпретации с особенностями среды (социального окружения). Причем, как подчеркивают исследователи, и в первом, и втором случае различия в стратегиях имеют один и тот же источник – генотип [2], [5], [14].

Однако связь между генотипом и индивидуальными различиями в стратегиях поведения может носить не только прямой (непосредственный), но и косвенный (опосредованный) характер (Рис.1.).

Поскольку индивидуальные различия в стратегиях поведения имеют разные внутренние детерминанты и будут в неодинаковой степени зависеть от воздействий внешней среды, то, следовательно, будут различаться психологические механизмы, обеспечивающие реализацию тех или иных стратегий [1].

На сегодняшний день в психологической литературе описано действие шести из них.

Действие первого механизма состоит в выборе индивидом всегда только одной стратегии поведения, обусловливаемой генотипом в самых различных ситуациях. Установлено, что индивиды, имеющие мезоморфное телосложение в большей степени склонны к риску и избранию асоциальных стратегий поведения в течение жизни, нежели индивиды, обладающие эктоморфным телосложением [1]. Человек с ярко выраженными мезоморфными конституциональными чертами в течение жизни ведет себя более напористо, более агрессивно по сравнению с окружающими [3], среди таких индивидов чаще встречаются те, кто склонен к стратегии «высокого риска» («high-risk strategy») и подвергает себя различного рода опасностям [14, р.369].

Действие второго механизма заключается в том, что индивид использует только одну «крайнюю» стратегию из общего числа возможных в зависимости от ситуации. Так, например, ие-

рархичность социальных групп предполагает распределение стратегий доминирования среди лидеров, а стратегий подчинения среди рядовых членов группы. При этом для лидера группы, находящегося «на вершине» иерархической пирамиды, характерна стратегия абсолютного доминирования («крайняя» стратегия), поддерживаемая окружением. Однако известны случаи, когда группа, в силу самых различных обстоятельств, остается без лидера. Если это происходит, то некоторые члены группы, которым ранее была свойственна склонность к подчинению, что и определяло соответствующую стратегию, начинают проявлять более явную склонность к лидерству. Линия их поведения существенно изменяется, избирается иная стратегия. В конце концов, группу «возглавляет» новый лидер, которому сложившаяся социальная ситуация определяет «крайнюю» стратегию из числа всех потенциально возможных и способствует ее подкреплению [15].

Третий механизм состоит в использовании индивидом смешанной стратегии (производной от статистического распределения всех возможных видов стратегий, обусловленных определенным генотипом) в зависимости от конкретной ситуации [1]. Это происходит в тех случаях, когда условия, создаваемые средой (окружением) требуют проявления различных, а иногда даже противоположных склонностей. Так, например, в «жестко» структурированных социальных группах индивидам, которые наиболее приближены к лидеру, свойственен смешанный тип стратегии: по отношению к лидеру они используют стратегию подчинения, а по отношению к другим членам группы – стратегию доминирования [15, с.86].

Четвертый заключается в том, что индивид, выбирает определенную стратегию поведения, обусловленную не особенностями генотипа, а его индивидуальным, личностным опытом, и использует эту стратегию лишь в строго определенных ситуациях [9]. Так, например, если человек стал жертвой разбойного нападения со стороны незнакомца, то, скорее всего, он будет стараться избегать незнакомых людей в дальнейшем. Конечно же, он по-прежнему может оставаться открытым и общительным в кругу своих друзей и близких, однако при этом будет сторониться новых знакомств и общения с посторонними.

Действие пятого механизма состоит в использовании индивидом одной единственной стратегии, обусловленной его индивидуальным опытом (или феноменологической интерпретацией этого опыта) в различных ситуациях [9]. Так, например, если человек с раннего детства постоянно пребывал в ситуации обмана со стороны близких людей, то в дальнейшей жизни он может постоянно использовать «стратегию обмана» независимо от того окружения, в котором он пребывает. Иначе говоря, жертвами его обмана могут стать как близкие, так и мало знакомые люди.

И, наконец, действие шестого механизма заключается в использовании индивидом стратегии «кажущейся... беспорядочной» [14]. Такая

стратегия характеризуется «избыточностью поведенческих реакций» [14, с.370], причем каждый последующий набор форм поведения как бы противоречит предыдущему. Причем средовые (особенности окружения) и социальные (особенности ситуации) факторы остаются неизменными [14, с.370]. Так, например, человек в кругу своих близких «может казаться» общительным, веселым и открытым, а через какое-то время - крайне замкнутым, озлобленным, избегающим общения... Затем «подобная картина» повторяется. Частным случаем «беспорядочных» стратегий поведения являются стратегии поведения больных шизофренией [2], [5].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что индивидуальные различия в стратегиях поведения, являясь результатом взаимо-

действия генетически обусловленных индивидуальных различий с различными средовыми условиями, обеспечиваются действием психологических механизмов, «канализирующих поведение индивидов в определенные направления» [1]. Эти механизмы структурируют, «направляют» поведенческие проявления по тем же самым «руслам», по которым дифференцируются психические свойства. Активация этих механизмов зависит от средовых условий, в целом, и особенностей социального окружения, в частности.

Изучение же этих проявлений в стратегиях социального поведения может существенно расширить представления о формировании различных приемов и способов поведения асоциального как в норме, так и при патологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Buss D.M. Strategic individual differences: The evolutionary psychology of selection, evocation, and manipulation / D.M. Buss // *Twins as a tool of behavior genetics*. - West Sussex, England, 1993. - P. 121-137.
2. Mealey L. Heritable and environmental variables affect reproduction-related behaviors, but not ultimate reproductive success / L. Mealey, N. Segal // *Personality and Individual Differences*. - 1993. - N. 14. - P. 783-794.
3. Tooby J. Psychological foundations of culture / J. Tooby, L. Cosmides // *The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture*. - N.-Y.: Oxford University Press, 1992. - P. 17-18.
4. Gabbay F.H. Behavior-genetic strategies in the study of emotion / F.H. Gabbay // *Psychological Science*. - 1992. - N. 3. - P. 50-55.
5. Mealey L. The sociobiology of sociopathy: An integrated evolutionary model / L. Mealey // *Behavioral and Brain Sciences*. - 1995. - N. 18. - P. 523-599.
6. Maynard Smith J. The theory of games and the evolution of animal conflicts / J. Maynard Smith // *Journal of Theoretical Biology*. - 1974. - V. 47. - P. 209-221.
7. Hogan R. A socioanalytic theory of personality / R. Hogan // *Nebraska symposium on motivation*. - Lincoln: University of Nebraska Press, 1982. - P.55-89.
8. Plomin R. Bobo clown aggression in childhood: Environment, not genes / R. Plomin, T. Foch, D. Rowe // *Journal of Research in Personality*. - 1981. - N.15. - P.331-342.
9. Rowe D. The importance of nonshared environmental influences on behavioral development / D. Rowe, R. Plomin // *Developmental Psychology*. - 1981. - V.17. - P. 517-531.
10. Малых С.Б. Основы психогенетики / С.Б. Малых, М.С. Егорова, Т.А. Мешкова. - М., 1998. - С. 275; 292; 600-605.
11. Кочетова Т.В. К вопросу изучения психологических механизмов стратегических поведенческих особенностей как маркеров психических патологий личности / Т.В. Кочетова // *Материалы межрегиональной научно-практической юбилейной конференции: Проблемы здоровьесбережения школьников и студентов* / Отв. ред. С.А. Боева. - Воронеж: ВГУ, 2008. - С. 235-238.
12. Эфроимсон В.П. Генетические основы эстетики / Эфроимсон В.П. - М., 1999. - С. 19-165.
13. Scarr S. How people make their own environments: A theory genotype environment effects / S. Scarr, K. McCartney // *Child Development*. - 1983. - N. 54. - P. 424-435.
14. Kaprio J. Genetic and Environmental Factors in Health-related behaviors: Studies on Finnish twins and twin families / J. Kaprio, L. Pulkkinen, R. Rose. - Helsinki, 2002. - N.5. - P. 366-371.
15. Чалидзе В. Иерархический человек: социобиологические заметки / В. Чалидзе. - М., 1991. - С. 87-88.